

Людмила Сараскина

«КТО СЕЙ КРАСАВЕЦ?»

(Ф.М. Достоевский и А.Л. Блок: к проблеме демонизма)

Связи Достоевского с культурой и литературой Серебряного века — тема обширная и богатая. Здесь речь пойдет о контактах Достоевского с *людьми* Серебряного века, ибо между двумя эпохами, хоть их и разделила бездна, не было непроходимого барьера, а существовала прочная цепочка человеческих отношений.

Автор воспоминаний об Александре Блоке — Мария Андреевна Бекетова (1862–1938), родная тетя поэта со стороны матери и первый его биограф, писала о его отце, Александре Львовиче Блоке: «Когда семья Блоков переселилась в Петербург, Александр Львович поступил на юридический факультет Петербургского университета и был одним из выдающихся учеников покойного профессора А.Д. Градовского (того самого, с которым резко полемизировал Достоевский в «Дневнике писателя». — Л.С.). Все это происходило в 70-е годы прошлого столетия, когда в Петербурге блистала известная общественная деятельница, красавица Анна Павловна Философова»<sup>1</sup>.

Сын Анна Павловны, Дмитрий Владимирович Философов (рожденный в 1872 году), мальчиком видел Достоевского в доме своих родителей. По воспоминаниям внучки Анны Павловны, Достоевский очень любил поговорить с детьми хозяйки салона и сразу располагал их к себе, в играх с ним они совершенно забывали разницу между ними — так он умел войти в их интересы. Дмитрий Философов станет редактором журнала «Мир искусства», с которого и начался Серебряный век русской культуры; его кузеном был Сергей Дягилев (А. П. Философова была урожденная Дягилева); он вошел в знаменитый триумvirат, став членом «домашней церкви» Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского, а потом сблизился с Борисом Савинковым и Юзефом Пилсудским в Польше. Достоевский и Серебряный век стоят так близко, как мы, может быть, сейчас уже перестали ощущать.

Но цитирую далее воспоминания М.А. Бекетовой: «На вечерах А.П. Философовой бывал и Александр Львович Блок. Там он встречался с Достоевским, которого поразила наружность молодого человека. Как говорили тогда, Достоевский собирался изобразить его в одном из своих романов в качестве главного действующего лица»<sup>2</sup>.

В поэме «Возмездие» Александр Блок даст подробный портрет салона Философовой.

На вечерах у Анны Вревской  
 Был общества отборный цвет.  
 Больной и грустный Достоевский  
 Ходил сюда на склоне лет  
 Суровой жизни скрасить бремя...  
 С простертой дланью вдохновенно  
 Полонский здесь читал стихи.

Какой-то экс-министр смиренно  
 Здесь исповедывал грехи.  
 И ректор университета  
 Бывал ботаник здесь Бекетов,  
 И многие профессора,  
 И слуги кисти и пера,  
 И также — слуги царской власти,  
 И недруги ее отчасти,  
 Ну, словом, можно встретить здесь  
 Различных состояний смесь<sup>3</sup>.

Достоевский познакомился с Философовой на одном из литературных вечеров в конце 1871–1872 года. Важно понимать, какую роль он играл в ее доме. Анна Павловна Филосовова, одна из учредительниц Высших женских курсов, супруга главного военного прокурора (отец которого, кстати, был одним из прототипов Ф.П. Карамазова, как это показал М.С. Альтман<sup>4</sup>), называла писателя своим *нравственным духовником*. «Я ему всё говорила, все тайны сердечные ему поверяла и в самые трудные жизненные минуты он меня успокаивал и направлял на путь истинный. Я часто неприлично себя с ним вела! Кричала на него и спорила с неприличным жаром, а он, голубчик, терпеливо сносил мои выходки!»<sup>5</sup>

Достоевский и в самом деле был снисходителен к обворожительной красавице, одной из первых в Петербурге (в 1877 ей было около сорока), ценя в ней «умное сердце», беззаветную доброту и талант каким-то восьмым чувством притягивать доверие людей. Именно в ее доме сообщит Ф.М. о том эпизоде своего детства, когда какой-то пьяный мерзавец совершил страшный грех — изнасиловал 9-летнюю девочку, и та умерла, истекая кровью... Этот эпизод, рассказанный Достоевским в салоне матери, запомнит ее старший сын, Владимир Владимирович Философов; в 1878 ему было уже 20 лет, и он был очевидцем рассказа. Анна Павловна придет к Достоевским в день смерти их маленького сына Алеши и вместе с родителями будет оплакивать ребенка, погибшего от первого же приступа унаследованной отцовской эпилепсии.

В салоне этом без утайки,  
 Под обаянием хозяйки,  
 Славянофил и либерал  
 Взаимно руку пожимал  
 (Как, впрочем, водится издавна  
 У нас, в России православной:  
 Всем, слава богу, руку жмут).  
 И всех — не столько разговором,  
 Сколь оживленностью и взором, —  
 Хозяйка в несколько минут  
 К себе привлечь могла на диво.  
 Она, действительно, слыла  
 Обворожительно-красивой,  
 И вместе — добрая была.  
 Кто с Анной Павловной был связан, —

Всяк помянет ее добром...

Легко можно установить годы, когда Достоевский и Александр Львович Блок могли встретиться в салоне Анны Павловны.

Средь пожилых людей и чинных,  
Среди зеленых и невинных —  
В салоне Вревской был как свой  
Один ученый молодой.  
Непринужденный гость, привычный —  
Он был со многими на «ты».  
Его отмечены черты  
Печатью не совсем обычной.  
Раз (он гостиной проходил)  
Его заметил Достоевский.

Непринужденный гость — 26-летний юрист Александр Львович Блок, блестяще талантливый, одаренный острым, скептическим умом, великолепный музыкант, с красивым, гордым, сумрачным, тонким лицом. Это 1877–1878 год.

Итак, Достоевский, однажды будучи в доме Философовой, заметил, как в гостиной мимо него прошел незнакомец.

«Кто сей красавец? — он спросил  
Негромко, наклонившись к Вревской: —  
Похож на Байрона».

Это всё, что сказал Достоевский об А.Л. Блоке, но это было услышано всем кружком Философовой и осталось в памяти семейства. И действительно: запись семейного предания звучит у Блока так: «Достоевский, увидев А.Л. Блока на вечере у А.П. Философовой: “Кто этот красавец? — Похож на демона”»<sup>6</sup>.

В высшей степени показательно, что слова «похож на Байрона» — были поставлены рядом со словами «похож на демона». На языке Достоевского такая оценка значила слишком много. Слишком большие смыслы стояли за этими символами, ведь Достоевский сам однажды подпал под власть демонической личности, вернее личности, о которой он думал, что она демоническая. Я имею в виду историю отношений писателя с членом кружка Петрашевского Н.А. Спешневым, которого писатель в молодости называл «Мой Мефистофель», а спустя двадцать лет воспользовался внешностью Николая Александровича для создания образа Николая Ставрогина, «обворожительного демона» «безмерной высоты». «Я из сердца взял его»<sup>7</sup>, — признавался Достоевский своему издателю М.Н. Каткову, не скрывая, что обворожительный демон — мрачный злодей.

Приведу только один пример отношения Достоевского к мужскому демоническому комплексу. В 1863 году он узнаёт, что его подруга, Аполлиария Сулова, связь с которой длится уже несколько лет, изменила ему, и что в Париже, где она дожидается его, чтобы ехать вместе в путешествие по Италии, у нее появился другой возлюбленный, о чем она сама и сознается писателю,

приговаривая: «Ты едешь немножко поздно»<sup>8</sup>. Достоевский спрашивает ее: «Может быть, он красавец, молод, говорун. *Но никогда ты не найдешь другого сердца как мое...*»<sup>9</sup> И Сулова записывает в дневник: «Когда я сказала ему, что это за человек, он сказал, что в эту минуту испытал гадкое чувство: что ему стало легче, что это несерьезный человек, не Лермонтов»<sup>10</sup>. Будь новый возлюбленный Суловой похож на Лермонтова, Байрона или демона, Достоевский, наверное, реагировал бы иначе и, быть может, не просил бы ее поехать с ним в путешествие в качестве «друга и брата». Ибо «не Лермонтов» на языке Достоевского в данном контексте означало только одно: хорошо, что «не Байрон, не демон».

Следует заметить, что Достоевский не назвал А.Л. Блока прямо демоном, он назвал его *похожим на демона*. В высшей степени авторитетное слово Достоевского, создателя Ставрогина, сыграло свою роковую роль.

Словцо  
 Крылатое все подхватили,  
 И все на новое лицо  
 Свое вниманье обратили.  
 На сей раз милостив был свет,  
 Обыкновенно — столь упрямый;  
 «Красив, умен» — твердили дамы,  
 Мужчины морщились: «поэт»...  
 Но, если морщатся мужчины,  
 Должно быть, зависть их берет...  
 А чувств прекрасной половины  
 Никто, сам черт, не разберет...  
 И дамы были в восхищеньи:  
 «Он — Байрон, значит — демон...» — Что ж?

Повторю фрагмент воспоминаний М.А. Бекетовой: «Как говорили тогда, Достоевский собирался изобразить молодого красавца в одном из своих романов в качестве главного действующего лица».

О каком романе могла идти речь? Уже были написаны «Бесы», уже существовал «Подросток», и впереди у Достоевского был только роман «Братья Карамазовы», с героями, лишенными байронического демонского очарования. Выразительно написал об этом Н. Лосский: «Начав с люциферовского титанизма, Ставрогин закончил свою жизнь аримановским беспросветным мраком; освобождения от него он мог достигнуть только путем смерти. Иван Федорович Карамазов был тоже человек гордый, сильный и духовно одаренный, но гордость его глубоко отлична от ставрогинской и весь тон его жизни иной»<sup>11</sup>.

Можно думать, что вдохновленный крылатыми словами Достоевского об А.Л. Блоке и семейным преданием о намерении писателя сделать красавца-правоведа главным героем своего романа, Блок-сын, не обнаружив такого романа и такого героя у позднего Достоевского, сам написал роман в стихах,

поэму «Возмездие», в центре которой изображен его отец, едва не погубивший свою молодую жену, то есть мать поэта.

В «Предисловии» к поэме, разъяняя свой замысел, Блок пишет: «Первая глава развивается в 70-х годах прошлого века, на фоне русско-турецкой войны и народовольческого движения, в просвещенной либеральной семье; в эту семью является некий “демон”, первая ласточка “индивидуализма”, человек, похожий на Байрона, с какими-то нездешними порываниями и стремлениями, притупленными, однако, болезнью века, начинающимся *fin de siècle*. Вторая глава... должна была быть посвящена сыну этого “демона”, наследнику его мятежных порывов и болезненных падений, — бесчувственному сыну нашего века... В третьей главе описано, как кончил жизнь отец, что случилось с бывшим блестящим “демоном”, в какую бездну упал этот яркий когда-то человек»<sup>12</sup>.

Очевидно: кавычки при слове *демон*, которые трижды ставит Блок, — это не кавычки от Блока, это не *демон* в кавычках, это закавыченный Достоевский, то есть цитата из семейного предания, которому Блок-сын, кажется, доверяет абсолютно.

Поэт разворачивает предложенное Достоевским беглое, но снайперски угаданное сравнение:

На Байрона он походил,  
 Как брат болезненный на брата  
 Здорового порой похож:  
 Тот самый отсвет красноватый,  
 И выраженье власти то ж,  
 И то же порыванье к бездне.  
 Но — тайно околдован дух  
 Усталым холодом болезни,  
 И пламень действенный потух,  
 И воли бешеной усилья  
 Отягчены сознаньем.  
 Так  
 Вращает хищник мутный зрак,  
 Больные расправляя крылья.

В сущности, Блок, идя вслед за Достоевским, повторяет, имея в виду реального конкретного человека: это был если и Байрон, то сниженный, если и демон, то болезненный, ущербный, потухший, скованный холодом, околдованный тайной болезнью. Замечу, что Ставрогин говорит о себе еще беспощаднее: «Какой мой демон! Это просто маленький, гаденький, золотушный бесенок с насморком, из неудавшихся»<sup>13</sup>.

В поэме подробно показана картина пагубного сближения с человеком, похожим на демона, и все драматические последствия такого увлечения.

«Как интересен, как умен», —  
 За общим хором повторяет  
 Меньшая дочь. И уступает  
 Отец. И в дом к ним приглашен  
 Наш новоявленный Байро'н.

И приглашение принимает.

Очевидно, что репутацией человека, похожего Байрона или на демона, репутацией, которая околдовала юную Алю Бекетову, младшую из трех сестер Бекетовых, повторявшую вслед на общим хором байронические и демонские характеристики Блока-старшего, он был обязан именно Достоевскому.

И теперь А.Л. Блок, *демон назначенный*, должен хотя бы на короткое время оправдать свою репутацию.

В семействе принят, как родной  
 Красивый юноша.  
 Его блестящему уму  
 Противоречия прощали,  
 Противоречий этих тьму  
 По доброте не замечали,  
 Их затмевал таланта блеск,  
 В глазах какое-то горенье...  
 (Ты слышишь сбитых крыльев треск? —  
 То хищник напрягает зренье...)  
 С людьми его еще тогда  
 Улыбка юности роднила,  
 Еще в те ранние года  
 Играть легко и можно было...  
 Он тьмы своей не ведал сам...

Наступает этап любовного обольщения, которое вскоре превращает влюбленную в него девушку в рабу.

Он стал  
 Своим в семье. Он красотою  
 Меньшую дочь очаровал.  
 И царство (царством не владея)  
 Он обещал ей. И ему  
 Она поверила, бледнея...  
 И дом ее родной в тюрьму  
 Он превратил (хотя нимало  
 С тюрьмой не сходствовал сей дом...).  
 Но чуждо, пусто, дико стало  
 Всё, прежде милое, кругом —  
 Под этим странным обаяньем  
 Сулящих новое речей,  
 Под этим демонским мерцаньем  
 Сверлящих пламенем очей...  
 Он — жизнь, он — счастье, он — стихия,  
 Она нашла героя в нем, —  
 И вся семья, и все родные  
 Претят, мешают ей во всем,  
 И всё ее волнение множит...  
 Она не ведает сама,  
 Что уж кокетничать не может.  
 Она — почти сошла с ума...

А он? — А он, околдовав влюбленную в него женщину, немедленно охладевает к ней, ждет и медлит, мучает, пугает, терзает невинную и беззащитную жертву, которая вся в его власти.

Но замерли в груди  
 Доселе пламенные страсти,  
 И кто-то шепчет: погоди...  
 То — ум холодный, ум жестокий  
 Вступил в неожиданные права...  
 То — муку жизни одинокой  
 Предугадала голова...

Но ТАК ведет себя красавец, похожий на демона. А вот как должен вести себя истинный демон:

(Смотри: так хищник силы копит:  
 Сейчас — больным крылом взмахнет,  
 На луг опустится бесшумно  
 И будет пить живую кровь  
 Уже от ужаса — безумной,  
 Дрожащей жертвы...) — Вот — любовь  
 Того вампирственного века,  
 Который превратил в калек  
 Достойных званья человека!

Замечу: Александр Львович, имея неполный демонический чин, был заложником своей похожести на демона. Оставаясь человеком, да еще социально зависимым, он не мог так легко отказаться от женитьбы на дочери ректора университета, женихом которой его считает и семья Бекетовых, и все общество:

И было знать ему дано,  
 Что демоном и Дон-Жуаном  
 В тот век вести себя — смешно...  
 Он много знал — себе на горе,  
 Слывя недаром «чудаком»  
 В том дружном человечьем хоре,  
 Который часто мы зовем  
 Промеж себя) — бараньим стадом...

Итак, Александр Львович Блок произвел неотразимое впечатление на 18-летнюю Алю Бекетову и хотя, по версии поэмы, уже чувствовал охлаждение, вскоре посватался к ней. Всеобщая любимица трепетно ждала этого предложения и радостно согласилась. Обвенчавшись, молодые уехали в Варшаву, где дипломированный правовед получил кафедру в университете. Казалось, их ждет счастье: красивая молодая пара, блестящая ученая карьера Александра Львовича...

Однако —  
 И книжной крысой настоящей  
 Мой Байрон стал средь этой мглы;

Связал её с своей судьбой  
И в даль её увез с собой,  
Уже питая в сердце скуку, —  
Чтобы жена с ним до звезды  
Делила книжные труды.

Все обернулось драмой. Варшава оказалась кантоном Ури, куда демон уволок влюбленную в него женщину: Аля испытала судьбу Дарьи Шатовой, если бы та поехала со Ставрогиным в его ущелье. Демон бы непременно погубил Дашу, а похожий на демона Александр Львович только измучил и истерзал жену.

Он оказался психически неуравновешенным, деспотичным, болезненно скупым человеком, одержимым приступами безумной ревности и бешеного раздражения. За всякое несогласие во мнениях, недостаточное понимание музыки Шумана, за плохо переписанную страницу его диссертации он избивал жену, по скупости своей морил ее голодом. Хрупкая, нервная Аля не вынесла истязаний и решила расстаться с мужем. Когда она вернулась в Петербург к родителям, те увидели перед собой молчаливую, забитую женщину.

Вопреки воле мужа она осталась с родными. Здесь, в «ректорском доме», в ноябре 1880 года родился ее сын Александр, названный так же, как и оба родителя. Вскоре Александра Андреевна подала на развод, а Александр Львович продолжал жить в Варшаве. Там от него сбежали еще две жены (рассказывали, что в обращении с ними Блок перешел от кулаков к ножу).

«Судьба его исполнена сложных противоречий, довольно необычна и мрачна, — напишет сын в своей автобиографии. — За всю жизнь свою он напечатал лишь две небольшие книги и последние двадцать лет трудился над сочинением, посвященным классификации наук. Выдающийся музыкант, знаток изящной литературы и тонкий стилист, — отец мой считал себя учеником Флобера. Последнее и было главной причиной того, что он написал так мало и не завершил главного труда жизни: свои непрестанно развивавшиеся идеи он не сумел вместить в те сжатые формы, которых искал; в этом искании сжатых форм было что-то судорожное и страшное, как во всем душевном и физическом облике его. Я встречался с ним мало, но помню его кровно»<sup>14</sup>.

Итак, летучие слова Достоевского, сказанные на одном из вечеров у А.П. Философовой, по случаю беглого впечатления от внешности неизвестного для него гостя, услышанные хозяйкой салона, куда ходил цвет Петербурга конца семидесятых, стали крылатыми и, быть может, спровоцировали множество событий. Во-первых, в эти слова, под влиянием салона, куда вывозили трех сестер Бекетовых, как в окончательную истину, уверовала 18-летняя Аля, а за ней — вся ее семья: байронический элемент имел неотразимое влияние на молодых девиц и даже на взрослых дам. Красота Александра Львовича, его ум, его невероятная музыкальность, в частности, привычка играть на фортепьяно по ночам внушали восторг и преклонение. Мать девушки, дама тоже чрезвычайно музыкальная, убеждала дочь не отталкивать необыкновенного



человека. В глазах отца, выдающегося биолога, ректора университета Андрея Николаевича Бекетова, А.Л. Блок, одаренный правовед, был приемлемой партией для Али.

Во-вторых, А.Л. Блок, имея репутацию Байрона и демона, доставшуюся ему от *самого Достоевского*, безусловного знатока мужского демонизма (А.Л. и всё его окружение как-то пропустили мимо ушей сакраментальное слово «похож», равное дьявольскому «почти»), уверовал в свою репутацию сам и старался ее поддерживать, пока нужно было завоевать женщину. Он, повторяю, стал заложником этой репутации и, как показал автор «Возмездия», вынужден был идти до конца, хотя уже охладел к обожающей его девушке. Рождение сына, которого отец почти не знал и, кажется, не любил, судьбой его интересовался мало и лишь исправно высылал ему по пятьдесят рублей в месяц, ничего не изменило в нем. Когда сын стал печататься, отец прислал ему раздраженное письмо с требованием взять псевдоним: дескать, не могут серьезные труды по правоведению и какие-то стишки быть подписаны одинаково — А. Блок.

В-третьих, слова Достоевского вошли в семейное предание, дошли до поэта, заставив его смотреть на своего отца под углом зрения великого писателя. Создавая поэму «Возмездие», поэт вывел своего отца в качестве главного героя, выполнив как бы *за* Достоевского его обещание, которое тоже стало частью семейного предания.

Влюбленность Али Бекетовой в молодого красавца-ученого, ее неудачное, замужество, окончившееся бегством от мужа-деспота и скупца, рождение от брака с псевдо-Байроном (или псевдо-демоном) сына, который будет расти без отца, но многое позаимствует у него (по словам его матери, в последние годы жизни Александр Александрович все больше становился похож на отца, и не только внешне — у него случались такие же приступы гнева с битьем посуды и мебели...), у истоков всего этого, фигурально выражаясь, стоял Достоевский, слова которого: «Кто сей красавец?» — прозвучали как приговор.

В мистическом смысле поэт Александр Блок своим рождением от этого отца, с которым встречался случайно, кто навевал на мальчика тоску и злые мысли, которого он любил первый и последний раз, когда тот лежал в гробу в Варшаве, обязан был брошенному вскользь вопросу Достоевского: «Кто сей красавец?» Спустя четверть века от красоты отца мало что осталось — красавец превратился в потрепанного, обветшалого сумасшедшего, который жил в грязной нетопленной берлоге, где скапливался весь мусор его жизни.

Но сыну за всем этим мерещилось не банальное сумасшествие, не вульгарное распадение личности, не психиатрическая клиника, а именно то, что увидел в молодом красавце Блоке-старшем Достоевский и что сын этого красавца пытался разглядеть за убогим фасадом жизни угасшего отца.

Он знал иных мгновений  
 Незабываемую власть!  
 Недаром в скуку, смрад и страсть  
 Его души — какой-то гений

Печальный залетал порой;  
 И Шумана будили звуки  
 Его озлобленные руки,  
 Он ведал холод за спиной...  
 И, может быть, в преданьях темных  
 Его слепой души, впотьмах —  
 Хранилась память глаз огромных  
 И крыл, изломанных в горах...  
 В ком смутно брезжит память эта,  
 Тот странен и с людьми не схож:  
 Всю жизнь его — уже поэта  
 Священная объемлет дрожь,  
 Бывает глух, и слеп, и нем он,  
 В нем почивает некий бог,  
 Его опустошает Демон,  
 Над коим Врубель изнемог...

Слишком заманчивым оказалось семейное предание; слишком трудно было отказаться от образа, подсказанного Достоевским. Не случайно так пристрастно писал Блок о авторе «Бесов», видя в нем самом слепого могучего демона, который привел русскую литературу и русскую жизнь туда, где она оказалась. Цитирую статью «Безвременье» (1906), написанную задолго до «Возмездия». «Передо мной вырастают два демона, ведущие под руки третьего — слепого и могучего, пребывающего под страхом вечной пытки. Это — Лермонтов, Гоголь и Достоевский. Он (Достоевский) был послан в мир на страдание и воплотился. Он мечтал о Боге, о России, о восстановлении мировой справедливости, о защите униженных и оскорбленных и о воплощении мечты своей. Он верил и ждал, чтобы рассвело. И вот перед героем его, перед ему подобными, действительно рассвело, на повороте темной лестницы, в глубине каменных ворот самое страшное лицо, воплощение хаоса и небытия: лицо Парфена Рогожина. Это был миг ослепительного счастья. И в тот же миг все исчезло, крутятся как смерч. Пришла падучая... Он очертя голову бросается в туман, летит и падает в падучей; он носит в душе вечную тревогу, надрыв, подступает вплотную к мечте... Достоевскому снится вечная гармония; проснувшись, он не обретает ее, горит и сгорает...»<sup>15</sup>

Это была пристрастнейшая оценка, в которой звучало так много личного, болезненного...

В заключение воспользуюсь мыслью А.Ф. Лосева из его книги о Вл. С. Соловьеве, — мыслью, описывающей сложные отношения между Розановым, Леонтьевым и Соловьевым<sup>16</sup>, и скажу, что сюжет «Кто сей красавец?» далеко выходит за академические рамки, ибо сопровождается такими событиями и переживаниями, которые скорее являются материалом для художественной и мистической беллетристики, чем для спокойного академического исследования.

Потому Блок и написал поэму, а не документальную биографию своего отца.

- <sup>1</sup> *Бекетова М.А.* Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 28.
- <sup>2</sup> Там же. С. 29.
- <sup>3</sup> Цитаты из поэмы А.А. Блока «Возмездие» приводятся по изданию: *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 298–299.
- <sup>4</sup> *Альтман М.С.* Еще об одном прототипе Федора Павловича Карамазова // Вопросы литературы. 1970. № 3. С. 301–344.
- <sup>5</sup> См.: *Тыркова А.В.* Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915. С. 258–259.
- <sup>6</sup> См.: *Александров А.А.* Блок в Петербурге — Петрограде. Л., 1987. С. 11.
- <sup>7</sup> *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 29, кн. 1. 1986. С. 142.
- <sup>8</sup> *Сулова А.П.* Годы близости с Достоевским. Дневник — повесть — письма. М., 1928. С. 47.
- <sup>9</sup> Там же. С. 51.
- <sup>10</sup> Там же. С. 52.
- <sup>11</sup> *Лосский Н.* Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953. С. 249.
- <sup>12</sup> *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. С. 298–299.
- <sup>13</sup> *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. 1974. С. 231.
- <sup>14</sup> *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 12.
- <sup>15</sup> См.: Золотое руно. 1906. № 11–12.
- <sup>16</sup> *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 526.